

СОВРЕМЕННАЯ

ПРОЗА

Михаил
ЛИПСКЕРОВ

БОЛЬШАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Современная проза (АСТ)

Михаил Липскеров

Большая литература

«Издательство АСТ»

2020

Липскеров М. Ф.

Большая литература / М. Ф. Липскеров — «Издательство АСТ»,
2020 — (Современная проза (АСТ))

Дорогой читатель, соберись с силами и нырни в омут необузданной фантазии автора. Точнее, в пять омутов. В первый – с текстами, которые автор считает рассказами: сатирическими, лирическими, вплоть до голимого философешника. И всё это перемешано до неприличия. Второй омут переполнен притчами, структурированными по тому же принципу. В третьем автор показывает, что он не чужд изящной словесности разных национальностей, и вываливает на тебя свои переводы с иностранного. И что интересно – первоисточник неизвестен! Четвертый – под названием «Реприза имела успех» – целиком посвящен отцу автора и состоит из баек из жизни эстрады. Где, как кажется автору, они (автор и его отец) – неплохие смешняки. И последний – бо-ольшой физиологический очерк об исторической родине автора – «Нравы Петровского бульвара». Не поминай автора лихом! Крепись! Твой Михаил Липскеров.

© Липскеров М. Ф., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Типа рассказы	5
Открытое письмо	5
Бумажный кораблик	6
Междоусобица	7
Пруд	8
В первый раз	9
Сирень	10
The King Of Swing	11
Пушкин, няня и хазары	12
Ох, епт!	13
Свадьба	14
Скачки	16
Из русской старины	17
О, Боги...	19
Темные ночи Замудонска	20
Мы с сыном	21
Колокольчик	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Михаил Липскеров

Большая литература малых форм

Типа рассказы

Открытое письмо

Президенту РФ
от Липскерова М.Ф.
инвалида 2-й группы, пенсионера

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Уважаемый г-н Президент!

В 11.30 сего дня мною было получено указание моей единоутробной жены, Пацан Ольги Валентиновны, приобрести гофрированную трубу с резьбой на 40 чего-то мне неизвестного. С целью выполнить указание, а то хуже будет, и по застарелой любви я отправился в магазин стройматериалов («Все для дома») по адресу Ткацкая, 5, куда и прибыл при помощи маршрутного такси № 452. Войдя в магазин, я задал стоящему недалеко от входа неизвестному мне гражданину с бейджиком «Консультант», где находится труба гофрированная с резьбой на 40 чего-то мне неизвестного. Кивком головы он указал мне направление вглубь магазина стройматериалов («Все для дома»), до коей глубины я и дошел с трудом, как инвалид 2-й группы – в смысле нога хреново ходит. Извините за грубость, но она действительно ходит хреново, а как сказать по-другому – хрен его знает. По причине тромбоза бранши левой бедренной артерии. Где и обнаружил (в глубине) гофрированную трубу с резьбой на 40 чего-то мне неизвестного. Неизвестный гражданин с бейджиком «Менеджер по продажам» и насильственно (я знаю) увеличенным левым ухом при помощи компьютера и принтера выдал мне две бумаги и направил в кассу для оплаты 200 рублей за эту драную гофрированную трубу с резьбой на 40 хрен знает чего. Которая касса, сука такая, находится у входа в магазин строительных, упдъ, материалов. С трудом дойдя до кассы и заплатив 200 рублей, я вернулся в самую глубокую жопу этого б... дского магазина, отдал этому опухшеухому пидору чек и получил эту гофрированную хреновень с резьбой на 40 чего-то мне неизвестного, но весьма подходящую, чтобы отмудохать ею единоутробную любимую жену Пацан Ольгу Валентиновну. Но силам пришел отсосец. Сейчас я – инвалид 1-й группы. И мне нужно второй раз диздовать в магазин стройматериалов («Все для дома»), так как таких труб, чтобы они, упдъ, сдохли, нужно две.

Обращаюсь к Вам, г-н Президент! Только Вы можете мне помочь. Прошу Вас внести на рассмотрение правительства для внесения в Государственную думу законопроект об установлении в магазине стройматериалов («Все для дома») второй сраной кассы. Едри ее мать! У входа в магазин! На Ткацкой, падла, 5! Чтобы он сдох, на пуй! Вместе с улицей! И взять рассмотрение законопроекта под личный контроль.

С уважением,
Липскеров М.Ф.
Пенсионер, инвалид 2-й группы.

Бумажный кораблик

Как-то изменился мир. Я имею ввиду бумажные кораблики. Не видел их миллионы лет. А когда-то, когда-то, когда-то их в городе было больше, чем автомобилей. По весне, а также после хорошего человеческого ливня весь детский мир выходил на просторы города, в котором около каждого тротуара бежали ручьи, журчали ручьи, и выпускал во взрослый мир несметное количество бумажных корабликов. И среди них шло соревнование, чей кораблик быстрее доплывет до сточной решетки. И отставший слегка печалился, что вот в такой короткой жизни ему не удалось быть первым. И ему суждено погибнуть в темноте под городом, который он даже не успел как следует рассмотреть.

Иногда перед сточной решеткой образовывался водоворотик, и кораблик кружился в нем, прежде, чем «Ах!» и уйти под мостовую в глубокую темноту. Правда, я не удивлюсь, если какой-то кораблик доплывал до реки, а потом река доносила его, обессиленного, до синего моря. До которого когда-нибудь во взрослой жизни доплывет, возможно, и его хозяин. И там они когда-нибудь встретятся и обрадуются друг другу. И кораблик расскажет, что он видел за время путешествия и как он ждал своего хозяина, чтобы сказать, как же он соскучился. И тот, возможно, вспомнит именно этот бумажный кораблик. Потому что на его борту будет чернильная надпись «холодным асенним вечером...». И буква «а» в словах «холодным» и «асенним» была зачеркнута.

И оба-два старинных друга поплывут по синему морю к закату. И будет им хорошо вдвоем.

Сейчас ничего этого нет. Никто не пускает бумажные кораблики. Потому что вдруг куда-то исчезли ручьи. Вода по весне и после человеческого ливня, не течет, не журчит, а громадными неповоротливыми лужами стоит на месте. Вот уже миллионы лет...

Вот почему уже миллионы лет я не езжу на синее море.

Междоусобица

Мы во главе с Нашим стояли напротив них во главе с Ихним. Скоро завяжется кровавая битва. Потому что никакого смысла в некровавой битве нет. Идеалы надо защищать до последней капли крови, иначе какие же это идеалы?

Ну, травка, дубравы тут и там. Слева дубрава для нашего Засадного полка. Справа – для ихнего Засадного полка или – наоборот: смотря откуда смотреть. Нет единого мнения, откуда смотреть. С ихней стороны. Или с нашей.

Такие же проблемы возникли с Полками Правой илевой Рук. Обратно – с какой стороны смотреть. И чтобы не путаться, к правым рукам Полкам Правой Руки привязали по пучку сена, а к левым рукам Полкамлевой Руки – по пучку соломы, что вызвало среди Полков некоторые споры, потому как каждому члену Полка известно, что сено против соломы – все равно что плотник супротив столяра. Ну, поотрубали головы по пятерке с каждой стороны и слегка поуспокоились. Да, и чего гоношиться, когда в битве все смешается: сено Полка Правой Руки Наших с соломойлевого Полка Ихних. И наоборот. А других признаков различия никаких нет. Все – в лаптях и по-церковнославянски. Междоусобица!

Поначалу Микоша с нашей стороны и Сугомля – с ихней в поединке порубали друг друга. Вусмерть.

И делать нечего: пришлось начинать общую битву. Хотя дома людей ждали дела. Наших – наши дела. Ихних – ихние. Но, в общем, одни и те же самые. Потому как все в лаптях и говорят по-церковнославянски. Одно слово – Междоусобица!

И в общей битве получилась такая же хрень что с нашей стороны, что с ихней: у правых рук Полков Правой Руки – сено, а у левыхлевой Руки – солома. Потому что сено – оно сено и есть, и с соломой – такой же силлогизм. Обратно – лапти и церковнославянский язык. И кто кого порубал, осталось в сомнении. Междоусобица!

И последними в битве легли Наш и Ихний. Потому что – Идея! До последней капли крови! Несмотря на лапти и церковнославянский язык. Междоусобица!

И осталось непонятным, какая такая была эта идея... Когда все – в лаптях, и все – по-церковнославянски... Когда – Междоусобица!..

И что с такой, скажите на милость, историей делать прикажете?..

А льны на этом поле по сию пору рождаются знатные.

Пруд

Тут у нас купец 2-й гильдии по суконному делу Петр Дормидонтыч Кузяев около вокзала решили Пруд соорудить: лодки, лебеди и прочая красота типа карпов и золотых рыбок, – пусть, мол, приезжий люд любит.

И соорудили. Освящение, городничий, ведро водки и другой ингредиент праздника.

И сразу маленькая незадача. Одна девица низкого звания Лизавета по залету от дворянского сына Эраста в Пруд бросилась и утопла.

Ну, обратно освящение, городничий, ведро водки и другой ингредиент праздника.

И одна девица Аленушка, тоже низкого звания, повадилась сидеть у Пруда в ожидании с турецкой кампании солдата Ивана Иванушки. Но не дождалась по случаю убиения и тож в Пруд жахнула.

Ну, сами понимаете: освящение, ведро, ингредиенты...

А на следующий день один мужик из немцев по имени Веверлей пошел на Пруд купаться, оставив дома законную жену Доротею. Знамо дело, из немцев. И утоп. Потому что плавать в Пруду не умея, привязал к ногам, немчура тупая, пару пузырей. И нырнул. И голова – под водой. А ноги с пузырями – над. А ногами немцы дышать не обучены. Вот он и утоп.

Ну, значит, опять процедура... И только батюшка поднес лафитник ко рту, как почтарский оголец бегом приносит телеграмму: мол, графиня изменившимся лицом бежит к Пруду. А чего бежит, из телеграммы неизвестно, лишние слова денег стоят.

И Петр Дормидонтыч Кузяев, купец 2-й гильдии по суконному делу во избежание дальнейших самоубийств Пруд приказали засыпать.

И засыпали.

И на пустом месте решили Петр Дормидонтович Дом приезжих соорудить, потому как рядом с вокзалом.

И соорудили. И освятили. И городничий. И ведро водки. И другой ингредиент праздника.

И назвали Дом приезжих названием странным, неведомым, но красивым.

Англетер.

И году эдак 1925-м в него вселился поэт Сергей Есенин...

В первый раз

Двухспальная кровать была готова к бою: что характерно, обе стороны готовились к нему весьма обстоятельно. Были заготовлены соответствующие напитки и еда, соответствующая напиткам, в пределах имеющихся в наличии денежных купюр. Он был весьма вальяжен и одет не без претензии: на нем были шевиотовые брюки-галифе мышинового цвета производства США, сорочка-апаш в горошек и роскошный черный бант. На ней – крепдешинное красное платье с небольшим вырезом на груди, коричневые фильдеперсовые чулки на пикантных подвязках и роскошный красный бант на черной с блеском косе. Она была очаровательна в своей невинности, а он глядел на нее с улыбкой опытного ловеласа.

Он разлил по темно-зеленым бокалам напитков, соответствующий потраченным средствам, и разложил по тарелкам севрского фарфора еду, соответствующую напиткам. Они чокнулись бокалами, слегка отставив мизинец. Он – левый, потому что был левшой. И выпили. А потом закусили. А потом он отнес бутылку из-под «Дюшеса» и тарелку из-под эклеров со Столешникова переулка на трюмо. После чего он посмотрел в ее ждущие глаза и взял ее за дрожащую, слегка влажную ручку. И так они сидели долго-долго, и им этого было вполне достаточно для счастья. А потом пришли родители и развели их по разным домам. Через пятнадцать лет он и она снова встретились. Была та же самая двухспальная кровать, были напитки... была еда... Он был весьма... Она... Мизинец... И всё произошло, как это и положено для двадцатилетних молодых людей. Но это было уже совсем не то... Как в первый раз... Пятнадцать лет назад...

Сирень

У меня под окном расцвела Сирень.
Это банально.
До липкой слюны во рту.
Но Сирень расцвела.
Под моим окном.
На двенадцатом этаже билдинга,
В котором я живу.
В городе Нью-Йорк Сити.
В Соединенных Штатах Америки.
Я впервые за двадцать лет жизни в этой стране увидел под своим
окном сирень.
Ее развел на балконе одиннадцатого этажа какой-то Русский.
Сирень он привез из России.
Балкон – тоже.
Здесь не приняты Балконы на одиннадцатом этаже.
Мы сидим на этом Балконе.
Одиннадцатого этажа билдинга,
В котором мы живем,
В городе Нью-Йорк Сити,
В Соединенных Штатах Америки.
Мы пьем Водку
С Закуской.
Здесь не принято пить Водку с Закуской,
Которые Русский с одиннадцатого этажа привез из России.
Из квартиры на десятом этаже билдинга,
В котором мы живем,
В городе Нью-Йорк Сити,
В Соединенных Штатах Америки
Полиция стала выселять Таджикив,
Которых Русский с одиннадцатого этажа привез из России.
На Проигрывателе крутится «Сладкая N».
Нам – Хорошо.
Вы, пала, себе даже не представляете, как нам Хорошо!!!
Только где вот моя сладкая N?..

The King Of Swing

Вся эта бодяга началась с того, что этот мелкий жлобьяра Карл с Сивцевого Вражка клесанул у Клары кораллы. На хрен этому шепздуну понадобились кораллы, он сам путно объяснить не мог, хотя путности от него никто и не ждал, но вот спер – и все тут! Кларка долго думала, как Карлу люто отомстить, пока вместе с второгодниками Мусой и Шнобелем не подстерегла Карла, возвращающегося из музыкальной школы с неразлучным своим кларнетом. Этот шлемазл вместо скрипки, как это у них принято, учился играть на кларнете. Что уж там думали его родители, отдавая его на кларнет, сказать трудно, потому что их у него не было. Была какая-никакая бабка, не факт, что именно его бабка, но она была при нем, а он – при ней. А больше никого не было. Дело, знаете ли, после войны было.

И откуда у бабки появился кларнет, чтобы этого рыжего Мотла, в смысле, чернявенького Карла, учить на нем играть, я вам сказать не могу. Слава богу, что это был не саксофон. А то!.. Но он на этом кларнете наблатыкался играть какую-то мутную музыкальную хрень. Поначалу он нам настолько ею настолбенел, что ему хотели даже настучать по лбу, но потом попривыкли. Вон, Попрыгунчик у пивняка «На Метростроевской» на трофейной гармошке подрабатывал, и то – ничего. Ставили ему пару кружек, он и сваливал. А так он у нас водопроводчиком в домоуправлении работал.

И вот Карл шел из музыкальной школы с Кропоткинской через Веснина к себе на Сивцев Вражек, и уже вот-вот, а тут на скверике, аккурат напротив поликлиники № 1, попал на Кларку вместе с второгодниками Мусой и Шнобелем. И они с применением физической силы выхлопали у Карла кларнет. Хотя могли бы вернуть кораллы, которые при применении физической силы выпали у Карла из кармана потрепанной американской помощи типа гольфы. Ленд-лиз.

Но вот эта мстительная двенадцатилетняя пацанка Клара, вместо реституции кораллов, группово с второгодниками Мусой и Шнобелем пошерстили Карла на кларнет. Муса хотел забодать его на Палашевском рынке за пару десятков пирожков с ливером, но Кларка не позволила. И купила Мусе и Шнобелю для отмазки по паре пирожков с повидлом.

И кларнет при ней и остался. У Кларки то есть.

И музыкальная хрень из Сивцева Вражка померла по причине нету кларнета. И вся наша округа как-то неслышно печаловалась. И эту сучку Кларку стала брезгать. И так брезгала, и эдак брезгала, отдай, мол, жиденку кларнет. А она – ни в какую. Пусть, мол, кораллы... А чего, кораллы? Если человек украл кораллы, значит, это кому-нибудь нужно!

И!

Вот ведь, сучка какая, она же и кораллы, случай был, не взяла. Вот поди ж ты!

Так и жили.

Он – с кораллами.

Она – с кларнетом.

И мы уже попривыкли, что в Сивцевом Вражке тихо.

Когда давеча я случайно забрел в скверик около поликлиники № 1 и вечером по случаю встречи с сильно сдавшими Мусой и Шнобелем по стародавней привычке даванули на скамеечке по стакану, мимо нас прошли какой-то сильно мятый фраер и подержанная бикса при нем. На дряблой шее фраера висели кораллы, а бикса несла кларнет...

Я посмотрел им вслед...

Вернулся я на родину, цветут березки с кленами...

И из Сивцева Вражка переулка струится «The King Of Swing».

Пушкин, няня и хазары

Колокол на часовне Безвинно Помилованных Комиссаров пробил 8,5 склянок. Склянок с бургундским 1624, токайским 1723, шардоне 1865, Алжирским 1964, «Солнцедаром» 1874, Напареули 2002 и прочих паленых алкоголей Нальчикского розлива, за которые, собственно говоря, и хотели повесить комиссаров. То есть повесить их хотели не за винаще, а – за яйца, но в данной ситуации очень трудно не перепутать причину и следствие, с которыми в русском философском мышлении всегда были проблемы. К примеру, курица ли была следствием яйца или яйцо было следствием курицы? Не одно русское поселение пало жертвой налета хазар (вы знаете, о ком я говорю) во время размышлений: плевать в колодец, если есть другой колодец? Или не плевать, если при предыдущем размышлении другой колодец был уже напрочь заплыван? И тут опять они! (Вы знаете, о ком я говорю.) Ну что ты будешь с ними делать?! И не было бы русского народа, если бы не Вещий Олег, который прогнал их к чертовой матери. Потому что Перуна со Сварогом уже тошнило от гефилте фиш, цимеса и пейсаховки. И Вещий Олег мог бы еще долго жить, если бы не замучился размышлением, примет он смерть от коня своего или не примет. Принял. А мог бы и не принять, если бы не слушал волхва, который, чтобы отвязаться от Олега, не накаркал тому смерть от коня своего. Иду себе и иду, чего достаешь, сбудется – не сбудется... Какая нужда спрашивать? Все уже было описано А.С. Пушкиным... Читай!

И тут опять вступают в силу размышления о причине и следствии. То ли А.С. Пушкин в стихотворной форме описал со слов няни своей Арины Родионовны преданья старины глубокой, то ли преданья старины глубокой состоялись, потому что Арина Родионовна выпила кружку бедной юности А.С. Пушкина и заключила про Вещего Олега, коня и неразумных хазар (вы знаете, о ком я говорю). А А.С. Пушкин, доверчивая душа, не оформил в форме стиха эту чушь, ибо мир уже в те времена знал, что не бывает в природе неразумных хазар (вы знаете, о ком я говорю). Так что кто кого выдумал: А.С. Пушкин – Вещего Олега, Евгения Онегина, Медного всадника и Болдинскую осень? Или не выходящая из кайфа Арина Родионовна выдумала А.С. Пушкина? А потом – и Дантеса, чтобы хоть таким образом слезть со злоупотребления бедной юностью выдуманного ею А.С. Пушкина. Так что... О чем я говорил? О колоколе на часовне Невинно Помилованных Комиссаров?.. Да не было никакого колокола! И Невинно Помилованных Комиссаров тоже не было. Их выдумал неразумный хазар (вы знаете, о ком я говорю). В ожидании Вас... Вот я уже вижу клубы пыли, слышу звон бубенчиков, посвистывание кучера. Трамвай «А» подъезжает к Чистым прудам... Вот-вот я увижу Вас... В нетерпении постукиваю каблуком по невесть как заблудшему на Чистые пруды черепу коня. Что-то в нем шевелится...

Ох, епт!

– Ох, епт! – кряхтнул чрезвычайно пожилой Евдоким, защемивший позвонок при излишне резком сбрасывании ног с постели.

– Ох, епт! – неодобрительно ворчула его баба Василисовна, когда Евдоким переползал через нее, чтобы сбросить ноги с постели.

– Ох, епт! – промяучил внешне сибирский кот Семен, когда Евдоким опустил на него ноги после сбрасывания их с постели.

– Ох, епт! – доброжелательно ответила на его «Ох, епт!» канарейка Аня, после того как Евдоким опустил на кота ноги после сбрасывания их с постели.

– Ох, епт! – по-строевому откликнулись коза Анфиса, хряк Хряк, корова Мурка и прочая живая природа, обитавшая на приусадебном участке Евдокима, на «Ох, епт!», образовавшееся после сбрасывания ног с постели.

– Ох, епт! – поздоровался с жителями села сельский политрук посредством репродуктора, уловивший возникший в селе духовный настрой после сбрасывания Евдокимом ног с постели.

– Ох, епт! – поддержали местные власти «Ох, епт!», пришедший из глубинки после сбрасывания ног с постели.

«Ох, епт!» – под таким названием вышла районка, носившая имя «Триединая Россия», до сбрасывания Евдокимом ног с постели.

– Ох, епт! – предложил переименовать страну один влиятельный отросток законодательной ветви власти в ответ на дошедший до него из глубинки наказ «Ох, епт!» после сбрасывания Евдокимом ног с постели.

– Ох, епт! – дружно откликнулись на выборах избиратели «Великой Ох, епт» после сбрасывания Евдокимом ног с постели.

«Ох, епт!» стал конвертируемой валютой, глагол «епаться» стал призывом к труду и обороне, отглагольное существительное «епля» вытеснило с экранов телевизоров слово «секс», а руководителя страны стали официально называть «епанутый».

После сбрасывания Евдокимом ног с постели.

Евдокиму вручили медаль «Ох, епт» 2-й степени к ордену «За заслуги перед “Ох, епт!”».

И тут Жерар из креативного класса, оргазмируя с Жанной из того же класса со взаимным удовлетворением, радостно прорычал:

– Ох, мля!

Так в стране появилась оппозиция.

Свадьба

...Ой, мадам Гуревич, какой красивый у вас мальчик!
...На бар-мицве уже гуляли?
...Два года?!
...И Айзик?!
...Исаак!!!
...И он еще у Вас уже не женат?!
...Ай-яй-яй! Такой большой мужчина – и еще не сношался...
...Скажите, Исаак, еще Вам уже надоело дрочить?
...Ха! Я же Вам говорила, мадам Гуревич, у Исаака руки отваливаются...
...Значит, теперь говорю... Видите, там стоит мадам Либензон?...
...Конечно, не видите... Если Вы еще никогда уже ее не видели...
...И девушка с ней, Циля зовут. В прошлую пятницу годовщину первых месячных отметили...
...Так вот, Циля уже готова опрокинуться на спину с хорошим мальчиком из хорошей семьи...
...Ха! С этим делом еще никогда уже не рано...
...Реб Шмуэль, тут Исаак из Гуревичей хочет Цилю из Либензонов...
...Да-да-да, и Циля его хочет. Подушкой промежность натерла...
...А то еще когда уже...
...Ну нет хупы! Что, если еще нет уже хупы, так дети и посношаться не могут?!
...Реб Шмуэль, не будьте бюрократом!
...Мадам Гуревич, мадам Либензон, у вас еще уже есть двадцать рубель?
...Реб Шмуэль, восемнадцать рубель тоже хорошие деньги!
...Спасибо, реб Шмуэль, вы – настоящий ид...
...Евреи, собирайтесь, Исаак Гуревич берет в жены Цилю Либензон...
...Реб Пфедфер, почему Вы молчите? Кто еще из нас, Вы или я, уже кантор?
...Ям та-та, та-та, ям та-та, та-та...
...Не стесняйтесь, дети...
...Ям та-та, та-та, ям та-та, та-та...
...Евреи, отвернитесь!
...Ям та-та, та-та, ям та-та, та-та...
...У детей – первое брачное утро!
...Ям та-та, та-та, ям та-та, та-та...
...Айзик, еще, мальчик, еще!
...Ям та-та, та-та, ям та-та, та-та...
...Циля, девочка, помоги ему уже!
...Ям та-та, та-та, еще, ям та-та, та-та, еще!
...Ям та-та, та-та, еще, ям та-та, та-та, еще...
...Ям та-та, ям та-та, ям та-та, ям та-та... ям та-та, ям та-та, ям та-та...
...Еще, еще, еще, еще!
...Уже!
...Мазл тов, евреи!
...Лехаим, лехаим, лехаим!!!
...Schnell! Schnell! Schnell!
...Verschlossen! Jüdisch Schwein!
...Таки еще уже успели!

...Feuer!!!
...Ха!

Скачки

Я еду навстречу – пока не определился кому... Но отчетливо помню, что когда утром я взнуздывал Афанасия Сергеича (так зовут моего коня), то слышал с небес голос, который сказал мне: «Сядь на своего верного коня Афанасия Сергеича (так зовут моего коня) и поезжай на все четыре стороны». Голос стих, потом раздалось невнятное хихиканье, и голос добавил: «Вперед. Время не ждет». Вот тут он слукавил: Время как раз сидело передо мной на ржавом осле и терпеливо ждало, когда я взнуздаю Афанасия Сергеича (так зовут моего коня), заседлаю его, а после заседлывания и оседлаю, и лишь потом цокнуло языком или чем еще цокают Времена – криками «ура», звоном бокалов, плачем угоняемых в рабство детей, стонами насилуемых женщин, звонкими лозунгами, прикрывающими однообразное бульканье человеческого фактора... А потом мы поскакали на все четыре стороны. Я не настаиваю на вашей доверии к моим словам. Мое дело – рассказать, как все было, а ваше – верить моему рассказу или не верить. Дело ваше, господа, исключительно ваше. Дело – ваше, слово – мое: вот так вот причудливо соединяются слово и дело. И разъединяются. А за каждым словом – жизнь, смерть, любовь, сладость обладания и безнадега потерь и что еще там существует в многочисленных карманах Времени. Особенно когда скачешь с ним рядом. Бок о бок, стремя в стремя, локоть об локоть. На все четыре стороны.

И так вот мы скакали вместе со временем навстречу... Пока не определился, навстречу кому. Но скакать надо. Ведь Время торопит, Время кричит, гикает и ухаает, ухаает ухаево... И ветер со всех сторон. Ветер, ветер на всем белом свете. И эти скачки наперегонки со временем, эта вечная игра с ним. Не отстать и не обогнать. Потому что нет разницы, когда о тебе скажут: «Он обогнал Время» или «Он отстал от Времени». Потому что «отстал» или «обогнал» в обоих случаях означает, что твое Время кончилось вместе с тобой, а другие Времена для тебя превратились в абстракцию. И смеются, плачут, любят, ненавидят вместе с другими и над другими...

Меж тем после долгой скачки, когда Афанасий Сергеич (так зовут моего коня) покрылся пеной ровно Афродита, из этой пены вышедшая, мы прискакали на все четыре стороны. В город (придумал-таки). Под небом голубым. Знакомый до слез. Похожий на меня. И на каждой из четырех сторон стоит по дому. И каждый из домов – вылитая копия другого: абсолютно одинаковые застекленные двери, одинаковые окна с одинаково раскрытой правой створкой. И абсолютно одинаковыми мезонинами. Мезонинами, мезонинами, мезонинами... Афанасий Сергеич (так зовут моего коня) удивленно всхрапнул. Четыре застекленные двери всех четырех домов с четырьмя мезонинами со всех четырех сторон открылись, и из каждой вышло по одинаковой даме с одинаковыми собачками... Четыре дамы с четырьмя собачками.

И как, скажите на милость, я пойму, кто из них – Вы, а кто – суррогат, издевка моего исчезнувшего напарника по скачке. Время смеялось.

Из русской старины

Антон Антоныч Сквозник-Дмухановский, действительный статский советник (так мы его называли-навеличали, а кто и что он был в действительности, нам знать не дано, да и непотребно для нашего произведения, о сути которого нам известно менее, нежели об истинном звании и величании Антон Антоныч Сквозник-Дмухановский), на улицу вышел. Был сильный мороз. Поэтому он вышел на улицу в шубе на лисьем меху, с бобровым воротником и в таком же бобровом цилиндре. Возможно даже, что и воротник, и цилиндр одним топором и долотом сколотил расторопный русский мужик из одного бобра, но тогда этот бобер уж должен быть размерами с хорошего медведя-пестуна, коего нечасто встретишь на улицах Санкт-Петербурга.

Вышел и вышел. И остановился в недоумении, куда и за каким хреном он на улицу вышел, когда на улице был сильный мороз. И мы сильно недоумеваем, зачем нам потребовалось выгонять действительного статского советника Антон Антоныча Сквозник-Дмухановского на улицу, когда на ней был сильный мороз.

Но мы недаром проходим (в смысле, числимся) по разряду русской прозы, так что по старинной русской традиции пошлем Антон Антоныча в баню.

И Антон Антоныч Сквозник-Дмухановский, действительный статский советник, послушный авторской воле (нашей), пошел в баню. Хотя и посещал ее перед Крещением, чтобы выпить пару пива, которое в пивоварне при бане варил по особому рецепту баварский пивной мужик Ганс Фридрихович Кюхельгартен, которого для этих соображений и выписал из родной Баварии его брат Вилли, обратно же Фридрихович, обратно же Кюхельгартен, которого привез из Европ первый Император Российский Петр Алексеевич (имя подлинное) вместе с арапом Абрамом Ганнибалом (имя подлинное). И пивное дело так пошло, что баню пришлось закрыть. И санктпетербуржцы, когда приезжий люд интересовался по части пивка, добродушно посылали интересанта в баню. И уже много позже на вопрос «пиво где» стали шутить словами «в Караганде», а самые отвязные докатывались до прямого похабства в смысле поэта Баркова.

Антон Антоныч сдал свою шубу на лисьем меху с бобровым воротником и таким же цилиндром, возможно, собранных одним... впрочем, за топор и долото мы уже говорили, гардеробщику по имени то ли Арина Родионовна, то ли Карл Иваныч, сейчас уже не помним.

В пивном зале, дабы не скучать, он подсел к компании мелких чиновников, фамилиев которых мы не помним. Не счастье чиновников в золотом веке русской литературы. Были половина вяленого леща, черные соленые сухарики, соленая сушка. А уж насчет раков – уж обесудьте: редкий рак доплывал до середины Невы. А уж на наших берегах его со времен морского гребешка видом не видывали, слухом не слыхивали. Был, правда, один дедок из бывших, из графов то ли Бобчинских, то ли Хлестаковых, помнивший позже исчезнувшую из Кунсткамеры клешню то ли рака, то ли омара, то ли лангуста... А может, то была простая зауряд-креветка. Сказать это не представляется возможным, так как и сам дедок из графов то ли Бобчинских, то ли Хлестаковых, помнивший нечто подобное, быть-то был, но вот когда был – никто не помнил.

Но и под сухарики, сушки и перышки вяленого леща пиво лилось рекой, сосед поил соседа – и к вечеру баварское пиво дало себя знать.

И когда чиновники вышли из пивного зала к гардеробной, то шуба действительного статского советника Антон Антоныча Сквозник-Дмухановского на лисьем меху, с бобровым воротником и цилиндром из того же... впрочем, мы уже об этом говорили, вызвала у них классовую ненависть. (Пиво всегда вызывает в русском человеке классовую ненависть. Как, впрочем, и другие напитки. И не напитки – тоже. У нас такое ощущение, что русскому человеку уже при рождении отвечивают в нагрузку классовую ненависть.)

Короче говоря, по выходе из пивной, чиновники отметили Антон Антоныча и реквизировали шубу, отдав ее самому тохонькому из них по имени Акакий Акакиевич. А уже позже ее

у Акакия Акакиевича выиграл в штосс Нос майора Ковалева и сменял ее у зависшего в Петербурге по делу о криминальной торговле мертвыми душами малоросского помещика Ноздрева на зятя Межуева. А зачем Носу майора Ковалева зять Межуев, нам неизвестно.

Так что, господа, завершив этот труд, мы пришли к выводу, что вся русская литература вышла не из «Шинели» Гоголя, а из пивной Ганса Фридриховича Кюхельгартена.

О, Боги...

И как это всегда бывает после битвы, разобрать, какой труп – Свой, коего следует похоронить с надлежащими почестями и обрядами, чтобы дух его воспарил к Горним Высям, а какой – Чужой, чтобы дух его без очищающих обрядов свергся в Сумеречные Глубины, было крайне затруднительно.

А это было важно.

Чтобы Свой там, в Горних Высях, проводил время с Богами в вечных пирах в антураже Юных Дев, покинувших сей печальный мир в состоянии набухшего бутона, сладко дрожащего в ожидании таинства превращения в цветок.

А Чужой бесконечным веками должен был в Сумеречных Глубинах улаживать старых ведьм, еще до смерти на Земле пораженных язвами и проказой, не получая собственного облегчения.

Из этих соображений избранных Юных Дев в ночь перед битвами уводили в Гору, где Жрец давал им чашу с Напитком Прощания, и они засыпали во времени и исчезали в пространстве, чтобы через другое время встретиться с убитым Своим и телом своим нетронутым, ласками своими, неопытными до потери сознания, словами своими, мелодически бессвязными, убить боль небытия и скрасить вечность.

А Ведьмы уходили из жизни сами в злобе от невысказанных страданий, и не спали от болей на протяжении вечностей в ожидании духа Чужого. Который чреслами своими только и мог утишить их страдания. Но так как бутон их сохся, затвердел и превратился в закаменевшую завязь, мучения Чужого также длились на протяжении вечностей.

Так распорядились Боги.

Вот почему так важно было после битвы распознать трупы Своих и Чужих. А сделать это было крайне затруднительно, потому что бьющиеся в битвах, за некоторыми мелкими отличиями, в основном не отличались друг от друга. Потому что то Одни бились с Другими, то Другие – с Третьими, то Одни объединялись с Третьими и бились с Другими, то Другие разделялись на Четвертых и Пярых, которые начинали биться друг с другом, то в толковище вступали Шестые, отпочковавшиеся от Одних, чтобы схлестнуться с Четвертыми и Пятыми... И так далее и тому подобное.

И по окончании Последней Битвы произошла великая путаница.

В одно и то же время Свои для Других оказались Чужими, Третьи стали Чужими для Пярых и Своими для Шестых. И все вместе стали Чужими для Первых, которые в то же самое время через Других стали Своими для половины Четвертых и одной шестой Пярых...

И трупов образовалось немерено. И возник казус.

Стало непонятно, кого – в Горние Выси, а кого – в Сумеречные Глубины.

Кому доставлять свежие нераспустившиеся бутоны, а кому – закаменевшую завязь.

Кому – вечный оргазм, а кому – такой же сухостой.

Потому что все считали себя Своими, а всех остальных Чужими.

Другими словами – Чужими стали все!

И битвы перенеслись в Горние Выси и в Сумеречные Глубины. Сколько трупов превратилось в трупы по второму заезду. Сколько Юных Дев осталось Девами, сколько старых Ведьм также осталось Девами. Сколько не состоялось оргазмов. Уму непостижимо.

И только Сухостой процветал.

Боги охренели.

И уничтожили всю эту долбанутую Землю...

Вот такой вот получился печальный рассказ.

– Ну, чо смотришь? Давно в табло не получал?!

Темные ночи Замудонска

Тьма опустилась на ненавидимый Мэром город Замудонск. В малиновом пиджаке с кровавым подбоем упругой кавалерийской походкой он лежал в тканом золотом джакузи и болел головой. Вечеру наканунешнего дня, а точнее – 13 месяца июля, было получено черным кэшем в качестве добровольного пожертвования в сумме тридцати сребреников за распятия некоего Варравы, главы ООО «Рыбы Замудонья», который ухитрился, вычерпав из реки Замудонки всю рыбу вместе с водой, и ни пить, ни постирать, а рыба обнаружилась в городе Бангкок, налогов в бюджет – больше муха насрет в великопостные недели, и как такого скота не распять. Но тот пожертвовал тридцать сребреников на восстановление Храма царя Соломона и был прощен. Хотя никто в Замудонске не имел ни малейшего представления о Храме царя Соломона. А раз никто не имел представления, то, исходя из дискурсивного мышления, такого Храма запросто могло не существовать. Дополнительным доказательством наличия отсутствия такого Храма в городе Замудонске было отсутствие наличия слова «Соломон» в «Повести временных лет» и других документах города. И мы знаем причину таковой ситуации. Город Замудонск проживал в такой глуши Российской Федерации, что на него никогда-никогда не ступала нога человеческого еврея. Вот что это была за глушь! Дичайшая! Так что откуда Соломон, откуда Храм, откуда Царь? Хотя бывали в истории и на Руси одновременно цари с именами погуше. Царь Салтан, Царь Берендей, Царь Царевич и даже Царь-Деввица.

Но сейчас Мэр болел головой, потому что тридцать сребреников на восстановление Храма царя Соломона были получены, а что восстанавливать, никто понятия не имел. Весь город понятия не имел. Никто. Даже комиссар Третьего ранга Епископ Никодим (Абдугамидов). Не воровать же эти тридцать сребреников. На восстановление Храма Царя Соломона. Чать, не за детский дом речь идет. Экие вы, право, кощунники... Так что вместе с Мэром головой болел весь город. Не болела голова лишь у Дятла. Потому что – птица.

Запросили район. Там – мимо кассы.

Губернию. Мимо того же.

Столицу.

Столицу.

Столицу.

После двенадцатого запроса Столицы из ея прислали человека. С печатью.

Осмотрев тридцать сребреников, он предложил СИТУАЦИЮ, по которой Замудонск шестым чувством, верхним чутьем, святым духом понял, что, наконец, замудонскую землю ошастливила еврейская нога.

И эта СИТУАЦИЯ состояла в том, что для того, чтобы восстановить Храм Царя Соломона, надо Храм Царя Соломона предварительно разрушить. А для того, чтобы Храм Царя Соломона разрушить, его надо предварительно построить!

Так и сделали. Правда, тридцати сребреников, по подсчетам еврейской ноги, на это дело не хватит. По-хорошему попросили бизнес. Местный, районный, губернский, столичный. Никто не отказался. Святое же дело! Чать, не детский дом. Опять же Следственный Комитет, если что.

И теперь в Замудонске стоит построенный, разрушенный и восстановленный Храм Царя Соломона. Паломники, пожертвования... Башли рекой. Все довольны. Утерли нос Израилю.

Кто-то даже, было, предложил переименовать Замудонск в Иерусалим, но ему быстро дали окорот. Только с палестинцами проблем не хватало.

А еврей куда-то укандехал с тридцатью сребрениками.

Давеча один замудонец туристического толка видел еврея в задумчивости.

Около Стены Плача.

Мы с сыном

МЫ С СЫНОМ, ОБА ДВА, СВОБОДНЫ. НО ОН БОЛЕЕ СВОБОДЕН, ПОТОМУ ЧТО ТАК ОН СЧИТАЕТ.

МЫ С СЫНОМ, ОБА ДВА, ПРЕЗИРАЕМ ДЕНЬГИ. НО ОН ПРЕЗИРАЕТ ИХ БОЛЬШЕ, ПОТОМУ ЧТО У НЕГО ИХ БОЛЬШЕ.

МЫ С СЫНОМ ЛЮБИМ ЖЕНЩИН. НО ЕГО ОНИ ЛЮБЯТ ЧАЩЕ, ПОТОМУ ЧТО И ОН ИХ – ЧАЩЕ.

МЫ, ОБА ДВА, БЕЗУМНЫ. НО ОН БОЛЕЕ БЕЗУМЕН, ПОТОМУ ЧТО Я РОДИЛСЯ ОТ НОРМАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА, А ОН – ОТ БЕЗУМНОГО.

МЫ, ОБА ДВА, ЗАНИМАЕМСЯ ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТЬЮ. НО У НЕГО ОНА БОЛЕЕ ИЗЯЩНА, ПОТОМУ ЧТО И САМ ОН – БОЛЕЕ ИЗЯЩЕН.

МЫ, ОБА ДВА, ПОЛОЖИЛИ С ПРИБОРОМ НА ВСЕ ЗАКОНЫ ЛИТЕРАТУРЫ. НО ОН ПОЛОЖИЛ БОЛЬШЕ, ПОТОМУ ЧТО У НЕГО И ПРИБОР БОЛЬШЕ.

ВОТ ПОЧЕМУ ОН – ГЕНИЙ, А Я – ПРОСТО ВЫДАЮЩИЙСЯ ТАЛАНТ.

Колокольчик

По дороге, зимней, невеселой, тройка так себе бежит, под дугую Колокольчик надтреснуто колоколит. Потому что остолодило изо дня – в день, из года – в год, из века – в век колоколить и колоколить.

Нет, поначалу, в начале начал, когда он было юным Колокольчиком-первогодком, он колоколил звонко и задористо. И где-то даже вызывающе. Особенно при встрече со старыми, пожившими свое, а некоторыми, даже и чужое, Колоколами. Тогда как старые Колокола мирно дремали на своих Колокольнях в студеное предрассветье в ожидании ранней обедни, а их менее родовитые собратья спали, как и положено по профессии, на пожарных каланчах, и не всякий даже самый залихвастский пожар мог их пробудить, наш Колокольчик тихонечко колоколил даже во сне и своим колоколением навевал сладкие (других в этом возрасте не бывает) сны шестилетней Юленьке, младшей из пяти дочерей титулярного советника Михаила Юрьевича Козловича. По почтовому ведомству.

Ее темнокурые волосы были разбросаны по подушке, кукольные ресницы подрагивали, словно малиновое желе, щеки розовели, как едва проклюнувшийся закат, а в не тронутым насморком носу потрескивали пленки (Ю.К. Олеша). И в такт этому потрескиванию разгоравшегося костра начинающейся жизни и колоколил юный Колокольчик. И в этом колоколении были предчувствия будущей жизни, в которой он будет сопровождать десятилетнюю Юленьку в поездках с Папенькой, Маменькой и четырьмя сестрами на пикник в Измайлово к Алексеевским прудам, где Колокольчик будет слушать рождаемое ветром невнятное колоколение своих дальних родичей на звонницах Храма Покрова Пресвятой Богородицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.